

Одежда оренбургских казаков

Одежда всегда имела, помимо утилитарной, статусную и эстетическую функции. В связи с этим изучение традиционной одежды оренбургских казаков позволит лучше представить эстетические вкусы, психологические особенности и социальные установки, а также историю, мировоззрение и материальное положение этой специфической группы населения Южного Урала.

Здесь рассматривается только бытовая одежда казаков и казачек. Описание форменной одежды оренбургских казаков в указанный период, изучение её эволюции является предметом отдельного исследования¹ и выходит за рамки этой работы. Здесь хотелось бы остановиться лишь на том, в какой степени форменная одежда была распространена в бытовой жизни казаков. Так, М. Д. Голубых в своей книге «Казачья деревня», опирающейся на материалы поселка Тимофеевского Еткульской станицы, пишет, что казаки с начала обучения в казачьей школе и до конца жизни носили преимущественно форменную одежду — «в крестьянской одежде (домотканых штанах и рубахах) казак выполняет только черные хозяйственные работы, в остальное время он бывает в форменной одежде»². Вероятно, автор несколько обобщает ситуацию, сводя всё разнообразие одежды, бытовавшей в казачьей среде, исключительно к форменной одежде и домотканой крестьянской. Также нужно обратить внимание на то, что в книге, вышедшей в 1930 г., речь идёт о 20-х гг. XX в. В это время в связи с «расказачиванием» отпала необходимость на протяжении всего срока службы казака содержать в полном порядке весь достаточно дорогой набор форменной одежды, и казаки интенсивно дона-

шивали обмундирование в повседневной жизни. Да и сам автор (М. Д. Голубых.— *О.Н.*), применительно к типам одежды, которые он относит к «казачьему наряду», пишет, что их «донашивают, но вновь не шьют»³.

В дореволюционный период основная масса казаков вряд ли могла позволить себе интенсивно использовать официальную форменную одежду в повседневной жизни — она бытовала исключительно как праздничная и выходная одежда. В этом контексте показательна история, которую рассказали несколько информантов из села Кваркено Оренбургской области⁴. Во время периодических смотров, которые проходили на плацу посёлка, каждый казак, не вышедший в запас, должен был представить сундук с полным набором обмундирования. В одной семье у казака не хватало комплекта белья, так как казак его износил, и жена свернула и положила свою рубаху, решив, что «в сложенном то виде кто разберёт». По какой-то причине, именно у этого казака проводили тщательный осмотр обмундирования, и выяснив, что одна рубаха женская, казака заставили её надеть и водили в ней по плацу. Это произвело такое сильное впечатление на станичников, что и через сто лет историю помнили, она была записана от нескольких информаторов. По сообщениям жителей в станичном и поселковом быту форму «надевали несколько раз в году по большим праздникам», «в свят день до обеда»⁵.

Безусловно же стоит согласиться с замечанием М. Д. Голубых о том, что «казаки с любовью относились к своему казачьему наряду и носили его охотно»⁶. Интересно, что приверженность к форменной одежде в казачьей среде возникла не сразу, и более того, её внедрение потребовало значительных административных усилий, вплоть до начала XIX в. оренбургские казаки воспринимали унифицированную форму как обременительную обязанность, по их мнению, нецелесообразную⁷.

Также необходимо обратить внимание на то, что помимо крестьянской одежды, бытовавшей в казачьей среде как рабочей, и форменной одежды, у казаков большое распространение получила так называемая городская мещанская одежда. Об этом свидетельствует и замечание Т. М. Старикова: «Одежда казаков, конечно, исключая официальную, не имеет в себе ничего характерного, что могло бы их отличать от мещан, хотя этого и надо было бы ожидать»⁸. Это безусловно касается как мужской, так и женской одежды. Источником этого могут служить достаточно многочисленные фотографии казаков начала XX в. из музейных и частных собраний. Фотографии могли быть сделаны во время обязательной службы в полках, а также в городских фотоателье,

которые существовали в центрах Оренбургского казачьего войска, куда казаки приезжали по хозяйственным делам, по делам казачьей службы или специально для фотографирования. Для фотографирования мужчины, как правило, предстают в форменной одежде либо в выходной. Женщины и дети также одеты в свою лучшую выходную одежду. Практически все женщины на фотографиях одеты в парочки и действительно мало отличаются от мещанок. Внимательное рассмотрение фотографий позволяет выявить три типа мужской одежды. Первый тип — это собственно форменная одежда оренбургских казаков, утверждённая приказами и распоряжениями войскового начальства. Второй тип — так называемое «мещанское платье» — бытовая одежда, считая по адаптированной городской моде с сохранением отдельных элементов крестьянской одежды и обуви. Третий тип представлен достаточно интересными вариантами предметов одежды, которые можно назвать полувоенными или военизированными⁹. По сути, они представляют собой элементы форменной одежды, адаптированные к народной традиции, то есть предметы народной бытовой одежды (крестьянской, мещанской), дополненные форменными элементами (голубыми кантами, петлицами оренбургского казачьего войска, шинельными пуговицами и т. п.). Этот тип одежды получает развитие в указанный период в казачьей среде. Многие казаки на фотографиях представлены не в официальной форменной одежде, как принято считать, а именно, по удачному выражению М. Д. Голубых, в «казачьем наряде»¹⁰. «Казачий наряд» включал в себя как элементы официальной форменной одежды, так и предметы бытовой одежды, которые на первый взгляд выглядят как форменные, но они не входили в обязательный комплект обмундирования, и на военной службе их носить было запрещено.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. одежда оренбургских казаков оказалась под сильным влиянием городской моды. Это выражалось в бытовании официальной форменной одежды как праздничной и выходной, а также в формировании особого типа мужской одежды, которая являлась бытовой одеждой, но формировалась под влиянием форменной одежды. Безусловно, сохранялись и крестьянские традиции в одежде.

Все информаторы отмечают, что среди старшего поколения весь комплекс одежды, сформировавшийся в конце XIX в., продолжал бытовать достаточно долго: по крайней мере, до конца 20-х гг. XX в., а в некоторых местах до конца 30-х гг. он полностью преобладал в сельской местности Южного Урала.

Материалы для изготовления одежды

В конце XIX — начале XX в. домашнее ткачество сохранялось до известной степени. Сообщение А. Кривошекова о том, что «сами казаки за последнее время почти совсем ничего не ткут, и только в очень редких случаях можно встретить у них „кросна” (ткацкие станки) для приготовления домашних половиков»¹¹, — можно считать верным только для некоторых станиц и посёлков. Так, информатор М. Н. Агапова (1910 г.р.) из станицы Кваркенской сообщает: «У нас домотканины совсем почти не носили, да и мало кто ткал». Е. П. Иващенко (1906 г.р.) из станицы Наследницкой вспоминает также, что «одежду шили в основном из покупных материалов, хотя сами и ткали, но далеко не все, не все даже и умели, да и ткали в основном половики». К. А. Михайлова (1911 г.р.) из станицы Николаевской говорит, что у них в станице «и вовсе никто не ткал, а кому нужна была домотканина на полога, мешки, заказывали полотно в поселке Александровский»¹².

А в некоторых посёлках и станицах домашнее ткачество было гораздо больше распространено. Дольше всего домашнее ткачество сохранялось в лесостепных районах (во всех посёлках Челябинской станицы, в посёлках Долгодеревенской, Миасской, Еткульской, Каратабанской, Еманжелинской, Нижнеувельской, Кособродской, Ключёвской и др. лесостепных станичных юртах), а быстрее исчезало в степных районах, хотя местами сохранялось и в последних. По сообщениям информаторов, ткали во всех посёлках Кваркенской станицы: Кульме, Аландском, Адрианополе, в поселке Измаильском Кизильской станицы, в поселках Полоцком и Амурском Варшавской станицы, в станице Нижнеозёрной и др.

Из домотканины шили белье (нижние рубахи, юбки, кальсоны), рабочую одежду (рубахи, юбки и сарафаны, порты) и верхнюю демисезонную одежду — «кафтанишки». Так, Л. И. Неткачева (1915 г.р.) из поселка Аландский Кваркенской станицы (Оренбургская обл.) сообщает, что «работали все в самотканом, а праздничную одежду старались шить из покупного материала, но не всем это было по силам. Кто победнее, так даже и женились в домотканине»¹³. По словам А. Д. Крюковой (1913 г.р.) из поселка Измаильского Кизильской станицы, «зажиточные в самотканом не ходили, а бедные носили»¹⁴.

Особенно широкое распространение домашнее ткачество имело, видимо, среди казаков из мордвы, нагайбаков. Русские казаки из окрестных посёлков при необходимости заказывали холсты мордовским ткачихам. В частности, М. Н. Агапова из станицы Кваркенской сообщает: «Одна сноха в нашей семье была из Бриента [где проживала мордва], так она привезла много самотканого,

и у нас ткала, и вообще в Бриенте все ткали»¹⁵. Все информаторы из поселка Адрианополь той же Кваркенской станицы (поселок был наполовину сформирован из мордвы, а к концу XIX — началу XX в. почти все население представляло собой смешанные русско-мордовские семьи) также сообщают, что почти вся рабочая и повседневная одежда была холщовая, только праздничную («у кого было на что») шили из покушного ситца, который брали на ярмарке в Наследницкой, а шелка и вовсе не было. Ситцевую одежду очень берегли: «Днем в праздник походишь, вечером снимешь и в сундук, наденешь чиненую», — сообщает Е. Г. Зацепина (1912 г.р.)¹⁶. Также достаточно долго традиции домашнего ткачества сохранялись и среди казаков-нагайбаков, причем домотканина широко применялась для изготовления одежды, иногда и праздничной¹⁷.

Там, где сохранялось домашнее ткачество, домоткань изготавливали из льна, конопли, шерсти. Льняные холсты имели преимущество перед конопляными, так как лён тоньше прядется, но поскольку в условиях степной зоны Южного Урала лён «не везде родится», то в степных районах большее распространение имела конопля. «Коноплём» дергали, когда семя поспевало; молотили цепами; мочили («40 дён») в озере; сушили (часто в бане), снопы возили на двор и пропускали через мялку или ногами мяли («все девчата по коридору выстроятся — лён, коноплём мнут»); чесали с помощью деревянных гребней; пряли на веретене или самопрялках; скатывали в «мочки» (мотки). Пряжу часто наматывали на большую «мотушку», которая обычно стояла прямо в избе, в углу. Потом зимой на речке, в проруби, эту пряжу «мыли», били вальками, сушили, снова мочили — и так несколько раз. Ткань ткали на горизонтальном ткацком станке с пряжным и полотняным навоем и поднёбниками (кроснами). Полученное полотно снова мыли, белили: мочили и расстилали на снег, после чего полотно приобретало белый цвет.

По сообщению М. Голубых¹⁸, ширина домотканого полотна в поселке Тимофеевском Еткульской станицы составляла 40–45 см, а П. Г. Салов (1910 г.р.) вспоминает, что в поселке Амурском Варшавской станицы, значительную часть населения которого составляли украинцы, ткали холсты около 60 см шириной¹⁹. По сообщению М. Д. Голубых, «местный холст был прочен и красив»²⁰.

Чаще всего домоткань имела естественный цвет льняного или конопляного холста разной степени отбеливания. В некоторых поселках было распространено крашение нитей естественными красителями. По словам Е. Г. Зацепиной (1912 г.р.) из поселка Адрианополь, «холсты и нити красили травой сурчинкой», что

давало прочное окрашивание в желтый цвет, а У. Ф. Крюкова (1916 г.р.) из поселка Измаильский помнит, что в качестве жёлтого и коричневого красителя использовался мох, растущий по горам (им же красили и яйца на Пасху). Упомянуты информанты и другие красители, так красный цвет получали из корней «тугосрача» — местное название кермека Гмелина связано с тем, что красный отвар корней применялся также как вяжущее средство²¹.

Вероятно, в самом конце XIX — начале XX в. широкое распространение получило окрашивание холстов, растительных нитей и шерсти химическими анилиновыми красителями, которые покупали на базарах и в лавках.

Из окрашенных растительными или химическими красителями нитей ткали пестрядь (в полоску и клетку) и крашенину (однотонную цветную ткань). Узорное ткачество (бранное, выборное) среди русских казаков в рассматриваемый период находилось видимо в упадке, а кое-где практически исчезло. Многоремизное ткачество среди оренбургских казаков мало где получило распространение, исключения составляют ткани с саржевым переплетением нитей и некоторыми другими видами ткацких переплетений («ёлочка» и т.п.), которые получали на четырёх ремизках.

Кроме льняного и конопляного, изготавливали полушерстяное полотно: основная нитка льняная или конопляная и шерстяной уток. Из него шили зимние нижние юбки, мужские брюки и демисезонную одежду — кафтаны. На кафтаны, зипуны и армяки использовали домашнее сукно (сермягу) или полусукно. На стане ткали шерстяную или полушерстяную ткань с полотняным или саржевым переплетением нитей, которую затем валяли, уплотняя шерстяной уток. Шерсть использовали в основном овечью, иногда и верблюжью, которую покупали у казахов и башкир. Сукно из верблюжьей шерсти называли армячиной.

Домашнее ткачество у оренбургских казаков в некоторых местах просуществовало достаточно долго. Домотканину, по словам информаторов, в некоторых населённых пунктах закончили носить «перед колхозами», да и то только потому, что в колхозах запретили сеять лен. Но, по сообщению Е. И. Арабей (1930 г.р.) из поселка Адрианопольский и А. П. Пащенко (1918 г.р.) из поселка Аландского, во время Великой Отечественной войны ткачество частично возобновилось²². Из домотканого холста шили кофты и юбки для работы в поле.

Однако, самым распространенным материалом для изготовления одежды в указанный период были хлопчатобумажные фабричные ткани — ситцы, сатины и т.п., которые покупали на ярмарках и в лавках. Из них шили значительную часть будничной

и праздничной одежды, а местами и рабочую одежду, и бельё. По замечанию М. Д. Голубых, «даже самый дешёвый, уступающий по своему качеству холсту, ситец казакам больше нравится, чем все домотканые материалы. Покупка ситца на рубаху каждым встречается с большой радостью»²³. В будние дни женщины носили преимущественно ситцевые юбки и кофты из набивных тканей различных расцветок. Праздничную и выходную одежду часто шили из тонких шерстяных и полушерстяных фабричных тканей, использовали также и шелковые, и полущёлковые ткани. М. Н. Агапова из станицы Кваркенской вспоминает, что к ним в станицу приходили продавцы-китайцы («мужчины с косичками, в коротких шортах и длинных широких рубахах»), продавали шелк и обувь «больно красивую». Шелк многие брали на кофты (у них в семье у всех девок и снох шелковые кофты были), а вот обувь у китайцев не покупали, так как она никому «на лапы не лезла»²⁴.

Детская одежда

У оренбургского казачества в традиционном комплексе одежды специальной одежды для детей не существовало. Мальчиков до шести лет одевали в короткие штанишки и рубашонки. В тех населенных пунктах, где широкое распространение имело домашнее ткачество, детская одежда была в основном домотканой, а ситцевая одежда (рубашка-косоворотка и брючки) для детей могла быть только по большим праздникам²⁵. В некоторых поселках домоткаными были только нижние штаны, поверх которых надевали ситцевые. Но летом зачастую мальчики ходили и вовсе без штанов, по сведениям некоторых информантов, лет до шести, пока они не начинали ходить в школу, летом мальчики носили одну длинную рубашку²⁶. К началу обучения мальчика в школе ему шили суконные штаны с лампасами, суконную гимнастерку, картуз с околышем и шапку с голубым верхом, тогда же мальчику надевали и голубые погоны²⁷. В этой одежде мальчики посещали школу, ее же отчасти использовали и как выходную. Д. М. Зеленин, побывавший в 1905 г. в поселке Благословенном Оренбургской станицы, пишет, что «с раннего детства мальчики носят форменную казачью фуражку с синим околышем, иногда с кокардой казацкой или урядницкой, смотря по званию отца»²⁸.

Девочки носили длинные платица или рубашки, на голове маленькие ситцевые платочки. Чем состоятельнее была семья, тем раньше девочку начинали одевать в юбку с кофточкой, но не ранее «как сумеет держать», то есть когда начнет формироваться женская фигура²⁹.

Летом дети чаще всего ходили босиком, хотя родители и заказывали специальные детские сапожки для мальчиков (короткие, без каблучков) и ботиночки для девочек (высокие, на шнуровке, на плоской подошве), но дети их носили только по праздникам.

В качестве верхней одежды для детей осенью и зимой служили ватные пальто («пальтушки»)³⁰. В некоторых местностях мальчикам на зиму вязали штаны из шерсти, повсеместно для детей вязали шерстяные носки (девочкам — длинные чулки), варежки, шарфы. Детей обували в валенки. Зимний костюм дополнялся шерстяным платком или шалью у девочек и шапкой (папахой или ушанкой) у мальчиков. Примерно с 12-ти лет детский костюм практически ничем не отличался от костюма взрослых.

Мужская одежда

У казаков в качестве белья представлены порты и рубаха (косоворотка или с прорезью посередине) из белёного домотканого холста (иногда пестрядинного) или покупного ситца, тика. Зимние порты могли шить из полушерстяной домоткани³¹. Пестрядинные тканые порты и рубахи кое-где могли бытовать и как домашняя или рабочая одежда, преимущественно для работы в поле. Но чаще поверх портов надевали брюки с узким шагом, как правило, темного цвета или казачьи шаровары с лампасами. Наиболее распространенным типом рубахи была косоворотка с разрезом на левой или правой стороне груди. Суконные форменные косоворотки носили только по праздникам и на выход. Обычно рубахи были сшиты из фабричной хлопчатобумажной ткани — ситца, сатина и т. п., праздничные могли быть сшиты из шелка. Чаще всего рубахи были однотонные, темные. Д. М. Зеленин указывает, что любимым цветом рубахи был синий³². В некоторых станицах и поселках (Рымникском, Полоцком, Неплюевском Варшавской станицы; Кизильском, Адрианопольском Кваркенской станицы и многих др.) была очень популярна вышивка на мужских рубахах по вороту, груди, рукавам. Вышитые рубахи чаще всего изготавливались из белой хлопчатобумажной ткани. Преобладающим вариантом вышивки на мужских рубахах были растительные мотивы, вышитые крестом чёрными и красными хлопчатобумажными нитками, этот тип вышивки появляется достаточно поздно и возникает под влиянием мещанской моды, так называемые «броккаровские узоры», тиражировавшиеся по всей России фирмами, производившими косметику. Крой косоворотки, в основном, традиционный, туникообразный, со смещённым грудным разрезом. В описываемое время верхняя рубаха-косоворотка всегда имела планку по разрезу (*притолок*), застёжку на пуговицы

и воротник-стойку. Также получили распространение косоворотки на короткой кокетке, к которой полотно пришивались в сборку или складку. К особому предмету «казацкого наряда» относится тип рубахи, называемый «ермаковка», широко распространённый среди оренбургских, сибирских, семиреченских казаков. Ермаковка — суконная (иногда и хлопчатобумажная) рубаха с воротником-стойкой, прямым или слегка смещённым грудным разрезом, поверх которого расположен фигурный, симметричный относительно центра полочки клапан с застёжкой на пуговицы или крючки на одну или две стороны (во втором случае клапан съёмный). Клапан ермаковки часто оформлен по краю кантом приборного цвета (голубого у оренбургских казаков), также он может быть украшен декоративной машинной строчкой по всей поверхности или по периметру. Ермаковка может иметь маленькие накладные или прорезные нагрудные карманчики различной формы, также с голубым кантом по краю, часто газыри, заимствованные из форменной одежды кавказских казачьих войск. Судя по многочисленным фотографиям, ермаковка, видимо, широко бытовала как праздничная и выходная рубаха не только в домашнем быту, но и во время службы в полку. Трудно сказать был ли распространён термин «ермаковка» применительно к этому типу рубахи среди оренбургских казаков, по крайней мере ни в описаниях современников, ни в воспоминаниях информаторов он не фиксируется. Очевидно, среди оренбургских казаков этот тип рубахи считался разновидностью гимнастёрки и не имел особого названия. Кроме того, на фотографиях можно увидеть и косоворотки-косушки — суконные косоворотки с сильно смещённым, длинным, округлым грудным разрезом и приполком, уходящими почти до бокового шва рубахи, причем воротник-стойка и приполлок также украшены голубыми кантами и армейскими пуговицами. Часто к ермаковке или косоворотке-косушке могут быть пришиты погоны. При этом до конца неясно, была ли ермаковка введена как официальная казачья гимнастёрка либо была исключительно бытовой одеждой.

По сведениям Д. М. Зеленина, в поселке Благословенном рубаху по малорусской привычке заправляли в шаровары³³, но в других станицах и посёлках преобладал иной вариант, когда рубаху носили поверх штанов. Рубаху повязывали поясом: тканым, иногда тканевым, вышитым или строченым³⁴, часто кожаным ремнём армейского типа. Под влиянием формы кавказских казачьих войск среди оренбургских казаков широко распространилась мода на кавказские наборные пояса, которые часто дополняли праздничную одежду казаков. Шаровары и штаны всегда заправ-

ляли в сапоги, которые являлись наиболее распространенным видом обуви среди казаков.

Поверх рубахи по праздникам носили форменные мундиры — казачьи чекмени с застёжкой на крючках или короткие мундиры с однобортной застёжкой на пуговицы (кителя). Довольно часто использовались теплушки — длинные, почти до колен, пиджаки на вате с глухой застёжкой под горло, воротником-стойкой, их использовали на службе в полку как нестроевое обмундирование, предназначенное для ухода за лошадьми³⁵, в быту же они часто выступают как элемент выходной одежды. Широко бытовали различного рода пиджаки домашнего покроя. В том числе так называемые «ополченки» — вид укороченной верхней одежды из сукна с двубортной застёжкой на армейские, видимо шинельные, пуговицы. Ополченка имеет открытый отложной воротник, на который нередко нашиты петлицы Оренбургского казачьего войска³⁶, и внешне похожа на укороченную шинель. По сведениям М. Д. Голубых, ополченка шилась исключительно из чёрного сукна³⁷. Однако, на фотографиях можно видеть как тёмные ополченки, так и довольно светлые, правда, тёмные преобладают. Видимо, именно этот тип одежды Ф. М. Стариков называет «короткое военное пальто»³⁸. Ополченки являются исключительно бытовым типом одежды, сформировавшимся под влиянием форменных образцов.

В начале XX в. вошли в моду костюмы (брюки с пиджаком, иногда с жилетом), которые, по сообщению П. Н. Кожина (1910 г.р.) из поселка Рымникский, шились чаще всего к свадьбе; потом их очень берегли и надевали только по большим праздникам («в свят день до обеда»)³⁹. Зачастую один костюм был на всю жизнь.

В качестве демисезонной одежды служили поддевки и кафтаны. Поддёвками называли одежду, подобную пальто городского покроя. Термины «кафтан», «зипун», «армяк» очевидно использовались для обозначения верхней одежды, преимущественно суконной, народного кроя. При этом одежда из овечьего сукна называлась зипуном или сермяжным кафтаном, из верблюжьего сукна — армяком. Любой домотканый кафтан пренебрежительно называли «кафтанишка». Все виды верхней одежды подпоясывали широкими, цветными, шерстяными кушаками, концы которых свешивались сзади⁴⁰. В станицах третьего отдела, по сведениям Ф. М. Старикова, в качестве праздничной верхней одежды употреблялись халаты, изготовлявшиеся из тонкого сукна или ковровой материи⁴¹.

По-видимому, самым распространённым типом головного убора были казачьи фуражки с голубым околышем, изредка на фотографиях можно увидеть тёмные картузы.

Женская одежда

У женщин старинные поликовые рубахи в конце XIX — начале XX в. бытовали, в основном, как нижняя одежда (белье). Они могли быть как длинными («со становиной»), так и короткими. Рукава женской рубахи доходили до кисти руки, у девушек могли быть короче, до локтя⁴². Причем в тех местностях, где для изготовления одежды использовался домашний холст, вся рубаха либо ее становина могли быть домоткаными. Кое-где такая рубаха, дополненная широкой длинной юбкой, могла использоваться как домашняя одежда.

Сарафаны в это время носили далеко не во всех станицах и поселках. В частности, информаторы из поселка Черкасинский Варшавской станицы, поселка Измаильский Кизильской станицы, станиц Николаевской, Наследницкой и многих др. не помнят сарафанов, тогда как в соседних с ними поселках: Полоцком, Амурском Варшавской станицы; Аландском, Адрианопольском, Кульском Кваркенской станицы — сарафаны были в большей или меньшей степени распространены.

Судя по описаниям А.Г. Вершининой (1917 г.р.) и С.Е. Лошкаревой (1905 г.р.) из поселка Полоцкого, а также М.Д. Ковалевской (1913 г.р.) из поселка Рымникского и др. информаторов, сарафаны, бытовавшие в среде оренбургских казачек, были на лямках, прямоклинные, нераспашные⁴³. Под сарафан могли надевать не только поликовую рубаху, но и кофту городского покроя, которая могла носиться и поверх сарафана. Вышитые поликовые рубахи «со становиной» называются информаторами (1900–1910-х г.р.) «старинными», и отмечается, что такие рубахи в комплексе с сарафаном в целом ряде посёлков если и носили, то только очень пожилые женщины, и всего лишь в некоторых посёлках и станицах (например в поселках станицы Кваркенской) они были распространены среди девок и женщин всех возрастов⁴⁴.

Кроме того, в некоторых станицах (преимущественно в Сакмарской) Оренбургского казачьего войска бытовали старинные распашные сарафаны «„в перекал”», своеобразного покроя... в виде полукруга из трёх горизонтально сшитых полотнищ, верх спинки при этом собирается в несколько складок („боров”) и „горбина” получается очень узкой (10–15 см). Проймы, горловина, передние полы и застёжка такого сарафана обшивались позументом»⁴⁵. Такие сарафаны хранятся в фондах Оренбургского областного краеведческого музея и некоторых музеев Челябинской области, в том числе в Троицком районном краеведческом музее. Их изготовление относится к началу XX в. и связано со станицей Сакмарской, основанной в 1725 г. уральскими казаками. И хотя

в конце XIX в. она была передана в Оренбургское казачье войско, население Сакмарской станицы прочно сохраняло уральские казачьи традиции, в том числе и в одежде. Наряду с этим типом сарафана, в Сакмарской станице распространяется в начале XX в. «сарафанка» — сарафан на кокетке (сарафан с лифом)⁴⁶. Такие сарафанки также представлены в музейных собраниях Оренбургской и Челябинской областей. Район бытования сарафанов среди оренбургского казачества достаточно локализован и ограничивается Сакмарской станицей, что зафиксировано этнографическими экспедициями и подтверждено музейными собраниями. Однако, по сообщениям Ф. М. Старикова, старинные штофные, шёлковые и шерстяные сарафаны, по краям отороченные позументом, в конце XIX в. бытовали и в других станицах и посёлках оренбургских казаков — Павловской, Нижнеуевельской, Донецкой⁴⁷. Однако, не до конца понятно, о каких именно сарафанах идёт речь: исключительно о сарафанах «в пережат» или о других ранних типах сарафанов, например косоклиных распашных, которые, по сообщениям исследователя традиционной одежды уральских казаков С. К. Сагнаевой, наряду с сарафаном «в пережат» бытовали у уральских казаков⁴⁸, а, возможно, о тех и других. Видимо, следует считать, что сарафаны «в пережат» привнесены в среду оренбургских казаков уральскими казаками, которые в некотором количестве вошли в состав Оренбургского казачьего войска при его формировании и позже, в частности, при включении в его состав станицы Сакмарской. О распространении в некоторых посёлках старинных косоклиных сарафанов (дубасов), сшитых из холста и окрашенных кубовой краской, в качестве повседневной одежды пожилых женщин упоминает Ф. М. Стариков⁴⁹. Наиболее распространённым, а в некоторых станицах и посёлках даже единственным типом женской одежды в конце XIX — начале XX в. были кофта и юбка «городского покроя», так называемая «парочка», их шили из одинаковой или подходящей по цвету и фактуре ткани. Парочки изготавливали исключительно из тканей фабричного производства, они могли быть ситцевыми, сатиновыми, шерстяными и полушерстяными, особенно нарядными считались шёлковые. Шёлковая кофта могла составлять пару с юбкой из тонкой, подходящей по цвету шерстяной ткани.

Юбки шили очень широкими, часто из прямых полотнищ, которые на поясе собирались в складки и сборки, особенно «сборились» задние полотнища юбок. Юбки могли иметь широкие оборки по низу, иногда небольшие оборки пришивались с внутренней стороны так, чтобы имитировать нижнюю юбку, кроме того, юбку

могли отделять горизонтальными полосами фабричного кружева по подолу. Очень популярна была отделка по подолу горизонтальными, застроченными на машинке складками через всю ширину юбки, иногда в несколько рядов.

Кофты очень обильно декорировали. Для отделки использовали фабричное кружево, шёлк (оборки, манжеты, кокетки), иногда кофты украшались аппликацией, вышивкой бисером, пайетками. Очень популярны были горизонтальные и вертикальные складки, застроченные на машинке, декоративные швы, выполненные нитками контрастного цвета. Воротник — чаще всего стойка, иногда отложной. Застёжка (в виде пуговиц, кнопок, крючков) могла располагаться сзади: сверху до низу или только сверху; могла быть потайная застёжка на левом плече и боку, вдоль бокового шва; иногда застёжка на пуговицы располагалась спереди по центру полочки. Распространены были кофты с баской. Рукава пришивались в складку («с пыжами») или без них, тогда они зауживались книзу за счёт треугольных клиньев. Рукав мог заканчиваться узким или широким манжетом, обшлагом или оборкой. Кофты в юбки не заправляли, их всегда носили навыпуск. Девушки и молодые женщины могли носить кофты приталенного силуэта, пожилые всегда носили кофты свободного покроя.

Широко бытовали передники — *запоны*, которые использовались не только в качестве домашней рабочей одежды, но и являлись непременной принадлежностью женского костюма. Видимо, передник, завязки которого обхватывали фигуру женщины, выполнял и функцию пояса. Среди оренбургских казачек бытовали, как правило, передники без грудки. Запоны подразделялись на рабочие, повседневные и праздничные. Повседневные запоны служили обычным дополнением костюма в будний день, рабочие хранились вместе со специальными рабочими кофтой, юбкой и платком в чулане и надевались на время уборки в доме или выполнения другой грязной работы, праздничные дополняли нарядную одежду и надевались в праздничный день или для посещения церкви.

Старинные головные уборы — кички и кокошники — на территории Оренбургского казачьего войска в конце XIX — начале XX в. скорее всего не употреблялись. Исключение составляет станция Сакмарская, где в комплексе с уральским казачьим сарафаном вероятно бытовали и старинные сороки.

Но традиционными оставались прически казачек, которые, по сообщениям М.Ф. Сизовой (1924 г.р.) из поселка Рымникский и С. Е. Лошкаревой (1905 г.р.) из поселка Полоцкий, менялись

несколько раз на протяжении жизни женщины⁵⁰. Волосы никогда не стригли; считалось, что так «по Библии завещано». Девки носили одну косу с лентами, которых в праздничный день могло быть до трех штук (на затылке, на середине косы и на конце ее). Косу заплетали на несколько дней, «от бани до бани». Во время свадьбы волосы делили на две косы, которые завивали в шишку или укладывали вокруг головы, в 40 лет косы располагали сзади «замочком» («корзиночкой»). Замужние женщины закрывали волосы небольшим чепчиком, который информаторы чаще всего называют «повязкой», иногда «чехликом». Ф. М. Стариков также называет повязку единственным типом головного убора, сохранившимся среди оренбургских казачек в конце XIX в.⁵¹ Повязка могла иметь вид вязанной или плетёной сеточки, надевавшейся на шишку. Но чаще, по выражению С. Е. Лошкаревой, повязка имела вид «тюбетеечки», изготовленной из плотного материала⁵², например, атласа или сатина (ярких тонов для молодых и темных для старшего возраста)⁵³. Чепчик (повязка) имела плоский верх и невысокий околыш, по нижнему краю которого с внутренней стороны подшивалась кулирка, в нее вдевалась тесёмка. Околыш мог иметь разрез снизу, к нижним краям которого пришивались завязки. Тесёмка или завязки позволяли фиксировать повязку на сложенных в шишку косах. Повязки молодых женщин обильно декорировались. Повязки продолжали бытовать кое-где среди старушек до середины XX в. Поверх повязки надевали «катетку» — так оренбургские казачки называли шелковые или шерстяные тканевые платки. Катетки могли быть с кистями, вышитые узорами. В начале XX в. в моде были фэйшонки — которые часто называют «фальшонками» — кружевные косынки, плетённые на коклюшках из чёрных шёлковых нитей, которые покупали на ярмарках. Такие косынки закрепляли поверх повязки. Зимние вязаные пуховые платки называли шальями. Собственно «платком» назывался только белый, хлопчатобумажный, который использовали в качестве одного из элементов рабочей одежды. Катетки и платки покупали — нарядная катетка всегда была лучшим подарком, шали же все казачки умели изготавливать сами. Все информаторы сообщают, что платки завязывали чаще всего спереди, под подбородком, во время домашних или полевых работ платок мог быть завязан и сзади.

Вероятно, в ранний период головные уборы были более разнообразны. М. Д. Голубых пишет о головных уборах казачек поселка Тимофеевского, что корзинка (заплетённые волосы) «закрывается пешмурой, чепчиком и повойником. Сверху голова закрывается платком»⁵⁴. Непонятно, описывает ли он разные головные уборы,

части одного головного убора или разные названия одного типа головного убора.

В посёлке Селезянском Еткульской станицы для обозначения женского головного убора использовался термин «кокошник», хотя по описанию этот убор не отличался от повязки⁵⁵, видимо, имеет место перенос названия с ранее бытовавшего типа головного убора. Е. А. Чайко, опираясь на данные Отчёта этнографической экспедиции в район бывших казачьих поселений на Южном Урале в 1955 г., организованной Челябинским областным музеем, и руководимой В. Е. Гусевым, — указывает, что казачки Новолинейного района в середине XIX в. носили головной убор, который состоял из чехлушки и тюлевой повязки с лентами («балгарки»). Поверх балгарки носили платок и шаль: сатиновую или кашемировую летом и суконную или шерстяную зимой⁵⁶. Примечательно, что термины «чехлушка» и «повязка», обозначающие части этого головного убора, широко использовались в Новолинейном районе информантами (1900–1910 г.р.) для обозначения позднего типа головного убора.

Можно предположить, что термин «балгарка» произведен от термина «бэргалка», его зафиксировала Е. Ф. Фурсова⁵⁷ для обозначения головного убора, который использовался во время обряда окручивания русским населением Западной Сибири. Головной убор с таким названием бытовал на территории бывшего Сузунского завода у наиболее богатых семей⁵⁸. Название, по мнению Е. Ф. Фурсовой, — производное от немецкого слова («*берг*» — горный) и, соответственно, должно было сформироваться в среде горнозаводского населения, где этот термин вплоть до первой трети XIX в. использовался для обозначения должностей рабочих и служащих горного ведомства. Вероятно, на территорию Новолинейного района термин попал из Приуралья, откуда были переселены казаки и включённые в их состав группы. В Приуралье он был заимствован у горнозаводского населения, и позже, утратив связь с горнозаводской средой, а значит и смысловой нагрузкой термина, «бэргалка» превратилась у казаков в «болгарку».

В качестве демисезонной одежды казачки носили шерстяные пальто, стёганные на вате, различных фасонов. Существовали такие их названия, как «пальты» и «полупальтики», а также «сак», «полусак» и «маринатка». «Саком» («сачком») называли очень длинное пальто (полы его не доходили на $\frac{1}{4}$ м до земли), от талии к подолу оно было очень широким, так что в его полу в холодную погоду можно было завернуть ребенка; «полусак» шился до колена; «маринатка» («меринетка») — еще короче, обязательно с карманом. «Сак», «полусак», «маринетка» шились в талию⁵⁹.

Зимняя одежда

Зимой наиболее распространенным видом мужской и женской одежды были овчинные шубы и полушубки, при этом праздничные крылись сукном или другим материалом и могли иметь меховой воротник⁶⁰, мерлушчатый у мужчин и лисий у женщин. Повседневные овчинные полушубки были нагольные, дубленные, крашенные в черный, коричневый или белый цвета. В дальнюю дорогу надевали тулупы, которые запахивали и подвязывали тканым кушаком. Зимним головным убором у мужчин чаще всего была шапка-папаха из мерлушки или каракуля, иногда ушанка из овчины. Дополняли одежду пуховые или шерстяные шарфы-самовязки, вязаные варежки, на которые сверху могли надевать овчинные рукавицы. Женщины зимой носили пуховые или шерстяные шали. Повсеместно среди оренбургских казачек было распространено на уровне домашнего производства изготовление вязаных шалей из овечьей шерсти или козьего пуха. В степных районах производство шалей и палантинов из пуха местной породы коз у оренбургского казачества носило промысловый характер и получило широкую известность под названием «оренбургский пуховый платок». Это играло существенную роль в денежных доходах семьи. Многие информанты из степных районов даже объясняют угасание домашнего ткачества в этих районах тем, что женщины были очень заняты в пуховязальном промысле, занимавшем всё свободное от сельскохозяйственных работ время, так что не оставалось времени ни на ткачество, ни на другие виды традиционно женских домашних производств («на платках мы помирали»)⁶¹.

Обувь

Традиционная обувь оренбургских казаков в конце XIX — начале XX в. была преимущественно кожаной. Самой характерной обувью казака были сапоги. Казачки же сапоги никогда не надевали, считали «за такой же грех как надеть штаны или остричь волосы»⁶². Праздничной женской обувью являлись высокие ботинки на шнуровке, их называли «ботиночками», «венгерками», «скороходами», «полсапожками». Кроме того, нарядным видом обуви считались калоши, но они были очень дорогими и их покупку могла себе позволить только зажиточная семья. М. Г. Жёлובהва (1915 г.р.) из поселка Аландский говорила, что калоши принято было покупать для старушек, как выходную обувь — в церковь ходить, а молодые женщины предпочитали ботиночки⁶³. Также бытовали «черевички» — обувь с пришитой подошвой из толстой кожи и верхом из тонкой. По-видимому, они могли быть

«с подбором» (с каблуками) или в виде кожаных тапочек без каблука. Распространённым видом обуви были коты (котишки) с подошвой из сыромятной кожи, с пришитым кожаным верхом, по периметру обшитым полосой ткани, в которую продёргивался ремешок. В качестве рабочей и повседневной обуви женщины и мужчины носили ичиги (вычеги), выступцы из коровьей или свиной кожи. М. Н. Агапова (1910 г.р.) из станицы Кваркенской вспоминала, что её отец шил «сандалии» — тапочки с тесёмками⁶⁴, вероятно, в данном случае речь идёт об обуви типа поршней, а возможно это более позднее название котов.

Носить лапти в казачьей среде «не заведено было» и они почти не имели распространения, поэтому когда в колхозах во время войны стали выдавать лапти в качестве рабочей обуви, то их не носили, так как ими «никто не умел пользоваться» и ходили босиком⁶⁵. Однако, в конце XIX — начале XX в. во многих станицах и поселках лапти использовались старушками как специальная обувь для сбора ягод и грибов, а кое-где (в Полоцком Варшавской станицы; Кульском, Адрианопольском Кваркенской станицы; поселке Измаильском Кизильской станицы; в станице Березинской и многих поселках лесостепной зоны) лапти носили мужчины и женщины всех возрастов как рабочую обувь во дворе и в поле, но, вероятно, по поселку в лаптях ходить было не принято. И вообще, лапти считались непрестижной обувью. Даже если казаки шли в лаптях из близлежащего поселка в станичную церковь, то перед входом в церковь их снимали и обували принесенные с собой сапоги. Однако П. И. Храмов (1916 г.р.) сообщал, что в поселке Кульском Кваркенской станицы, в лаптях и в церковь ходили, но до церкви шли в одних, а перед входом надевали чистые лапти, «которые держали специально для этого»⁶⁶.

Поскольку в этом регионе нет материала, пригодного для изготовления лаптей, то лыко привозили «с заводов», «из Башкирии» или «с Пензы» и продавали на ярмарках, а готовые лапти даже в лавках продавали. Что же касается кожаной обуви, то ее не покупали, а шили сами, кто умел, или заказывали у мастеров, которые встречались в каждом поселке.

В страдную пору в станицах Верхнеуральской, Магнитной, Карагайской носили башкирские сарыки, которые считались очень удобными для полевых работ⁶⁷.

Зимой, «по холодам», носили валенки («пимы», «катанцы») черного или белого цвета. Причем в некоторых станицах и поселках, в частности, в поселках Тимофеевском и Благословенском в валенках ходили и летом, мотивируя это тем, что в них «ноги не потеют».

Что касается металлических украшений, то их носили только женщины, причем умеренно — серьги медные, серебряные, редко золотые. Кольца, кроме обручальных, в основном серебряные, редко золотые, вероятно, были распространены не везде, браслеты русские казачки скорее всего совсем не носили. Имели распространение бусы («борки», «монисты») из стекла, бисера, декоративных камней.

Одежду шили, как правило, на машинке. Почти все казачки умели шить, но праздничную одежду старались заказать у известных в станице портных. Так что перед большими праздниками к таким портным образовывалась очередь. Сшитые к празднику вещи хранили очень бережно. Их старались стирать как можно реже и не гладили (тем более, что утюги в некоторых поселках появились только в конце 1910-х — начале 1920-х гг.), держали в специальных сундуках и в будние дни не надевали. Зимнюю одежду на лето складывали в сундуки, которые на случай пожара хранили в каменных амбарах.

Отдельно необходимо сказать об обрядовой и ритуальной одежде. Специальной одежды для календарных обрядов в рассматриваемый период уже почти не было. За исключением одежды ряженных на Святки и Масленицу, это была просто праздничная одежда, которая отличалась яркостью цвета и качеством материала, но по покрою была аналогична повседневной одежде.

Специфику сохраняла только свадебная и смертная одежда.

Свадебная одежда

Свадебная одежда представляет собой неотъемлемую часть всего комплекса традиционной одежды. Общие тенденции развития в свадебной одежде присутствуют особенно ярко в связи с её особой демонстративностью. Свадьба, безусловно, один из наиболее публичных актов в жизни семьи. Жених и невеста находятся в центре внимания общины. З. С. Шипилова (1916 г.р.) из поселка Смеловский Верхнеуральского района Челябинской области вспоминала: «Как свадьба, мы, детвора, всей толпой бежим к церкви смотреть: „Красива невеста? Красив жених?“» — и заключала: «Невесты-то красивы, конечно. Оне и всегда невесты красивы. Хоть и сейчас, хоть и раньше»⁶⁸. В образах жениха и особенно невесты аккумулируются социальные представления о красоте, они выступают как некая квинтэссенция эстетических представлений этой социальной группы. Кроме того, в костюмах жениха и невесты в конце XIX — середине XX в. сохраняется и ряд традиционных ритуально-магических аспектов, характерных для обрядов перехода.

Предметы одежды традиционно занимали важное место в приданом невесты и кладке жениха. Приданое невесты и кладка со стороны жениха являлись существенной частью материальной основы свадьбы. В конце XIX — начале XX в. у оренбургских казаков, как повсеместно в России, приданое играло бóльшую роль, чем кладка, которая к этому времени уже практически не содержала предметов одежды и состояла в основном из денег и продуктов, покрывавших свадебные расходы.

Однако достаточно долгое время, по крайней мере до 1930-х гг., сохраняется традиция: жених обеспечивает невесту свадебной обувью. Праздничной женской обувью являлись высокие ботинки на шнуровке «с подбором» (каблуком). Шилась такая обувь у чеботарей («по мерке») и стоила достаточно дорого. А. И. Вдовина (1913 г.р.) из поселка Кирса Верхнеуральского района Челябинской области вспоминала: «Если под венцом невеста скажет „нет” — батюшка не венчает. Такое не часто, но было изредка. Мама рассказывала: двоюродную сестру просватали, у него богатые родители. Ботинки невесте дали на договор. А она под венцом „нет” сказала и прямо из церкви ушла. А он за ней бежит: „Отдай ботинки” — Она ботинки сняла и босиком ушла. Это было когда мама молодая была»⁶⁹.

Приданое являлось немаловажным мотивом в выборе невесты. «Без приданного не было никого. Хоть какое, но приданное должно быть» — сообщала Т. Л. Пашкова (1919 г.р.) из поселка Кирса Верхнеуральского района Челябинской области⁷⁰. Кроме денег, скота, птицы, предметов домашнего обихода, в приданное обязательно входили всевозможные предметы одежды. Поэтому каждая мать с детских лет дочери начинала готовить ей приданое: полотенца, скатерти и прочие предметы текстильного убранства дома, обязательно готовили «постельное» (перины, подушки, одеяла, покрывала и т.п.). В тех местностях, где еще было распространено домашнее ткачество, старались приготовить как можно больше домашнего холста и изделий из него. В частности, количество скатертей в приданом могло доходить до 30–60 штук, так что оставалось еще и внукам невесты⁷¹.

Что касается предметов одежды, то фактически невеста забирала всю имеющуюся у неё одежду, но приданным считалась только новая, ранее не носимая. Особенно ценились дорогие покупные вещи. З. И. Шишилова (1916 г.р.) из поселка Смеловский Верхнеуральского района Челябинской области вспоминала: «В четверг тут у нас был базар. Вот приехал дедушка — материн отец Василий Михайлович. А там шарфики продают газовые. Мне было может 13, может 15. „Мама, дай три рубля на шарфик”. Он

услышал, говорит: „Диня, чё она просит?” — „Вот шарфик захотела, есть один белый, а там розовый”. Он вытащил и дал мне три рубля. Но до смерти не забуду радости-то. Побежала купила. Когда замуж вышла у меня было два шарфика газовых»⁷².

Важное место в приданном занимало бельё. Состоятельные семьи «запасали» и юбки с кофтами. Из верхней одежды каждая невеста обязательно должна иметь шубу или сак, в зависимости от достатка семьи.

После просватанья родители покупали сундук, куда и складывали всю текстильную часть приданного, в том числе и предметы одежды. В доме невесты для шитья белья собирались девушки-подруги и молодые родственницы жениха, приглашенные на свадьбу⁷³. В этой традиции коллективной помощи для составления приданого Г. С. Маслова видит отголоски большой древности⁷⁴.

Приданое перевозили в дом жениха в первый день свадьбы. «Вот прям первым долгом,— вспоминает Т. Л. Пашкова (1919 г.р.) из поселка Кирса Верхнеуральского района Челябинской области,— Вот сегодня к жениху везти. Вот там уж ждут. И везут постель. И когда нарядят и шторы, и скатерти, и койку, тогда уж гостей будут садить. Сундук на повозке, у кого перина, у кого подушки, всё это. Лошади все разные, кортеж-то этот. Всё это прям жениху. Всё это тащут, кричат: „Не лезет!” Им подают водки или что-ли. И когда они всё это устроят в квартире, всё привезут, всё как надо повешут, столы соберут. Тогда, пожалуйста, за столы. Хорошо было»⁷⁵.

Важную роль в предсвадебной обрядности играет взаимное одаривание родственников со стороны жениха и невесты. Здесь также использовались предметы одежды. Наиболее популярным подарком была нарядная катетка или шаль. По сообщению К. Г. Гордиевских (1914 г.р.) из поселка Кирса Верхнеуральского района Челябинской области, накануне свадьбы на девичнике (первая часть которого в данном случае проводилась в виде молодёжной вечеринки) подруги прячут («воруют») невесту. Её выкупает мать жениха: отдаёт подарок — полushалок для ближайшей подруги невесты⁷⁶.

Невеста также делает подарок жениху, как правило, какой-либо собственноручно изготовленный предмет одежды: часто пуховый шарф, варежки, иногда вышитую рубаху.

Важнейшей частью свадебной одежды, безусловно, была одежда невесты, которую обеспечивали родители девушки. Вся одежда обязательно должна быть новой. Часто и сама невеста, хотя бы частично, старалась заработать на покупку ткани на свадебную одежду. З. И. Шипилова (1916 г.р.) из поселка Смеловский Верх-

неуральского района Челябинской области рассказывала: «Сходили луку лугового нарвали. В Магнитку пошли пешком, продали. Но добавила, конечно, и атласу купила. Юбку с кофтой — это венчальная платье сшила. Вот как золото есть, вот такой атлас был, красивый»⁷⁷.

Одежду невесты в конце XIX — середине XX в. старались шить по последней городской моде. Единственным образцом венчальной одежды невесты в это время были кофта и юбка, как правило, парочки, сшитые из одинаковой ткани.

Вероятно сарафаны в конце XIX — середине XX в. в среде оренбургских казаков в качестве венчальной одежды не использовали. Платье, как свадебная одежда, получило распространение довольно поздно, в сельской местности не раньше конца 1940-х — начала 1950-х гг. Исключение составляли офицерские семьи, в которых, судя по фотографиям начала XX в., невеста могла быть в белом платье и фате.

Наиболее распространённым материалом для изготовления свадебной одежды были фабричные хлопчатобумажные ткани, состоятельные казаки старались шить венчальные парочки из шёлка. Изготовление свадебной одежды из домоткани было большой редкостью и считалось проявлением крайней бедности семьи.

Венчальные парочки обязательно шили из материи светлых тонов. Самыми популярными цветами были розовый, голубой (поднебесный), белый, золотистый.

Свадебная одежда шилась, как правило, на машинке. Почти все казачки умели шить, но свадебную одежду старались заказать у известных в станице портных.

Нужно сказать, что своеобразием отличается не столько сама свадебная одежда, сколько комплекс обрядов, сопровождающих одевание невесты, описанный А. Кривошековым⁷⁸.

Невеста, одеваясь перед венчанием, разрывала свою старую «тельную» рубашку от ворота до подола и сбрасывала ее, что символизировало разрыв со своей девичьей жизнью. Потом, крестясь, надевала по очереди все предметы венчального костюма (рубашку, чулки, юбку, кофту). Причем, надевая чулки, невеста стремилась ударить ими подругу. Та, которую она заденет, по примете, должна была выйти замуж в тот же год. Последними невеста надевала новые, купленные женихом, ботинки.

Невесте распускали волосы, голову украшали белыми восковыми цветами, веночками и в некоторых местностях надевали фату («уваль»). Фату имела далеко не каждая невеста. Ее часто брали напрокат у родственников, соседей. Такое коллективное пользование фатой, по мнению Г. С. Масловой, является отголоском

далекой старины⁷⁹, хотя Кривошеков объясняет это соображением сэкономить деньги⁸⁰.

Цветы и фата украшали голову невесты только до венчания, из церкви невеста возвращалась уже без них. А за столом проводили обряд «окручивания». Свахи разделяли волосы невесты и заплетали их в две косы — кто быстрее. В одних местностях по этому действию определяли, кто первым родится: девочка (если первой закончит плетение сваха невесты) или мальчик (если сваха жениха), а в других местностях это значило, кто будет держать верх в доме — муж или жена. Две косы складывали сзади в шишку («по-бабьи») и закрепляли повязкой. Больше замужняя женщина никогда не заплетала одну косу, все женские причёски представляли собой две косы, по-разному закреплённые на голове. Причёску из одной косы, закреплённой на голове, носила в старости только старая дева никогда не бывавшая замужем. Незамужняя женщина независимо от возраста не могла носить повязку, которую впервые надевали именно на свадьбе. На свадьбу повязку шили или из того же материала, что и парочку либо из другого, более ярких цветов: красную, розовую, малиновую. Она могла быть выполнена в лоскутной технике (из ярких лоскутных ленточек).

Жених на свадьбе был обязательно в сапогах, как правило, в темном костюме и рубашке (белой, вышитой или светлых тонов), а если свадьба проходила в теплое время года, то просто в штанах и рубашке. Сверху повязывали длинный пояс, иногда строченый. Его могли завязать узлом или бантом либо просто обматывали вокруг талии, загибая конец пояса внутрь. Штаны заправляли в сапоги, которые считались среди казаков единственно возможной свадебной обувью жениха. Сапоги обязательно были у каждого казака: «Без сапог казаку нельзя». Традиция эта сохранялась и после революции, когда отпала необходимость обязательного обеспечения казака обмундированием для службы за счёт собственных средств. Информатор из поселка Смеловский вспоминает, что её мать «в трудное время» обменяла золотое обручальное кольцо на кожу, чтобы сшить брату сапоги к свадьбе⁸¹.

Нужно отметить, что в конце XIX — начале XX в. в качестве свадебной одежды жених, вероятно, использовал казачью форму.

Свадебную одежду носили после торжества, по выражению М. Д. Ковалевской (1913 г.р.) из поселка Рымникского Наследниковой станицы, «как самую лучшую» по большим праздникам⁸².

Большое распространение в Оренбургском казачьем войске имело поверье, что венчальное платье обладает лечебной силой,

поэтому заболевшего ребенка накрывали свадебным платьем матери, а если оно не сохранилось, то могли брать у соседней.

Информаторы объясняют это тем, что свадебная одежда невесты «освящена» священным церковным обрядом венчания.

В редких случаях свадебная одежда могла использоваться как погребальная. Если умершая была в возрасте невесты либо умерла вскоре после свадьбы или в результате первых родов, ее хоронили в подвенечном костюме, как невесту, с цветами и фатой на голове. Женщин в зрелом возрасте в свадебной одежде хоронить было не принято.

Свадебная одежда родителей жениха и невесты, гостей, свадебных чинов видимо не имела выраженной специфики. Это была просто праздничная одежда, которая отличалась яркостью цветов и качеством материала, но по покрою была аналогична повседневной одежде и соответствовала полу, возрасту и семейному положению владельца.

Отдельно следует остановиться на ритуале ряженья — обрядового перевоплощения, которое имело место обычно на второй день свадьбы. Ряжение представляло собой перевоплощение через переодевание и сопровождалось демонстративным антиповедением.

Наиболее распространённые типы ряженных на свадьбе связаны со сменой участниками обряда социальной, половозрастной, этнической, профессиональной группы. Переодевание мужчин в женщин, женщин в мужчин, в старух и стариков, представителей «чужих» этнических, сословных (барин и барыня) и профессиональных (солдат, матрос) групп достигалось с помощью различных предметов одежды. Повсеместное распространение на всей территории русских имел образ цыганки, другие этнические персонажи олицетворяли представителей «чужих», но хорошо знакомых данной территориальной группе этносов. Так, среди казаков наиболее популярными были «татары», «киргизцы», «башкирцы», и практически нет распространённых в европейской России «евреев» и «немцев». Таким образом выбирался персонаж, который воплощал для данной группы типичного представителя «чужого» этноса.

При этом редко, хотя бывало и такое, переодевание было полным (с воспроизведением всего комплекса традиционной одежды персонажа) и направленным на то, чтобы зрители могли действительно спутать, например, мужчину и женщину. Обычно это было символическое перевоплощение, которое достигалось за счет введения в костюм знаковых предметов одежды, маркировавших пол, возраст, этническую либо сословную принадлежность. Для цыганки, которой могли наряжаться как мужчины, так и женщины, это несколько цветных юбок, платков (один из которых

завязывали плотно вокруг головы, с узлом сзади), по возможности большое количество разных бус. Перевоплощение в образ «татарина», «башкира», «киргиза» достигалось с помощью импровизированной тюбетейки, нарисованных сажей усов и «киргизской бородки», платка, повязанного «по-татарски» — два конца под подбородком, два свободно вдоль спины. Перевоплощение мужчин в женщин и наоборот облегчалось тем, что свадьбы чаще всего проходили поздней осенью или зимой, а зимняя верхняя одежда мужчин и женщин мало различается. Овчинная шуба и валенки для воплощения мужчиной образа женщины дополнялись юбкой (под которую всегда надевали штаны) и платком, иногда мазали щёки свёклой, а для воплощения образа женщины женщины надевали штаны (в которые обычно заправляли юбку) и папаху (ушанку, казачью фуражку), сажей рисовали усы, за пояс заправляли топор. Старик изображался с помощью бороды из кудели, «батожка», старуха — завязанного «по-старушечьи» платка и длинной чёрной юбки. Обращает на себя внимание отличие свадебного ряжения от святочного и масленичного. Так, в свадебном ряжении преобладают антропоморфные персонажи и почти нет зооморфных (медведей, коней, коз и т.п.), типичных для ряжения в праздники календарной обрядности. Нет и устрашающих персонажей из загробного мира — покойников, кикимор, смерти и т.п., что типично в святочных обрядах и ритуалах. Демонстрируя антиповедение, свадебные ряженные ведут себя шумно, буйно, но не агрессивно. В основном пристают к прохожим с предложением выпить бражки (кислушки), которую носят с собой, и закусить. Основная функция свадебных ряженных — исполнение «пахабных» частушек и песен фривольного содержания.

В данной связи нужно отметить, что в ряженьи принимали участие женатые мужчины и замужние женщины, как правило, среднего возраста, и никогда — незамужние девицы и неженатые парни.

Погребальная одежда

Погребальная одежда оренбургских казаков по старинной восточно-славянской традиции была преимущественно белого цвета. Хотя, по воспоминанию Е. П. Иващенко из станицы Наследницкой, у ее матери она была голубая, а А. С. Яковлева (1911 г.р.) из поселка Адрианополюский указывает, что цвет вообще не имел значения («кто какое припасет») ⁸³. Смертную одежду всегда готовили заранее. Обязательно все новое. Ее старались шить из отборного домотканого полотна, там же, где домашнего ткачества уже не было — из покупного холста. По воспомина-

ниям информантов, до середины XX в. смертную одежду шили обязательно на руках.

Погребальная одежда мужчины обычно состояла из рубахи и штанов, которые могли дополняться верхней одеждой. В некоторых поселках использовали еще и саван, который как бы заменял верхнюю одежду. В некоторых станицах саванов не употребляли. Голову мужчинам не покрывали. Гробы не обивали. В гроб из досок клали богородскую траву и сверху застилали материей, на которую клали тело покойного.

Одежду умершей женщины в разных местностях могли составлять две рубахи — нижняя рубаха и верхняя, длинная, с длинными рукавами («как платье») — либо юбка и кофта. Кроме того, голову обязательно покрывали платком, а бывшей замужем женщине надевали также повязку. Без повязки хоронить считалось за грех. На ноги надевали вязаные тапочки.

Отметим, что в качестве мужской погребальной одежды, видимо, могла использоваться и казачья форма.

Итак, можно сделать вывод, что к концу XIX — началу XX в. ощущается достаточно сильное влияние городской моды. Распространение «новой моды» постепенно вытесняет старинную народную одежду. На смену традиционным принципам простого кроя приходят новые, крой усложняется: появляются вытачки, проймы, рукава с головкой и т.д., широко распространяются новые элементы, не характерные для старинной русской одежды: юбки с кофтами (которые значительно, а кое-где и полностью вытесняют сарафаны), пиджаки, пальто. Но вместе с тем и в костюме, и в быту оренбургских казаков присутствует целый ряд архаичных крестьянских элементов: бытование кое-где лаптей, прямоклинных сарафанов, распространение домашнего ткачества. Это связано с постоянным притоком крестьянства на протяжении всей истории Оренбургского казачьего войска. Но, безусловно, четко прослеживается и специфика казачьей одежды, призванной подчеркивать особый статус ее носителя: фуражка с голубым околышем, сапоги как наиболее типичный вид обуви, форма и военизированные типы бытовой одежды в качестве праздничной и выходной.

Следует сказать и о существовании восточного влияния на одежду оренбургских казаков, особенно в мужском костюме, выразившегося в бытовании шароваров, халатов, сарыков. Д. Зеленин также предполагал наличие украинского влияния на одежду оренбургского казачества⁸⁴, что проявилось в манере носить рубаху, заправляя в шаровары, и завязывать сверху широкий пояс.

Наряду с включением в традиционный костюм оренбургских казаков иноэтнических элементов одежды, шло нивелирующее русское влияние на костюм тех этнических групп, которые входили в состав Оренбургского казачьего войска (особенно, если эти группы были христианскими по вероисповеданию).

Все это еще раз подчеркивает то, что традиционная одежда и ее развитие — это лишь часть эволюции всей бытовой культуры, которая определяется и отражает экономическое положение определенной категории населения, ее социальный статус, психологические особенности, этническое окружение и природную среду обитания.

¹ *Кобзов В. С.* Казачья униформа XVIII — начала XX века: от традиционной самобытности к армейскому стандарту // Оренбургское казачье войско. Культура. Быт. Обычай. Челябинск, 1996. С. 3–27; *Рыбалко А. А.* Обмундирование, амуниция, вооружение казаков-нагайбаков // Традиционная культура нагайбаков Южного Урала: Альбом. Казань, 2016. С. 88–90.

² *Голубых М. Д.* Казачья деревня. М.; Л., 1930. С. 215–218.

³ Там же.

⁴ ПМА, 1993 г. Чертыковцева (Коконина) Анастасия Андреевна, 1912 г.р., Дмитриева (Сгибнёва) Елизавета Прокопьевна, 1911 г.р., с. Кваркено Кваркенского р-на Оренбургской обл.

⁵ ПМА. Там же.

⁶ *Голубых М. Д.* Указ. соч. С. 215–218.

⁷ *Новикова О. В., Самигулов Г. Х.* Маркеры социальных идентичностей в мужской одежде русского сельского населения Южного Урала в XVIII — начале XX века // Народный костюм в Сибири. Новосибирск, 2017. С. 275–277.

⁸ *Стариков Ф. М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карт. Оренбург, 1891. С. 208–212.

⁹ *Новикова О. В.* Традиционная одежда нагайбаков в музейных собраниях Челябинской области: К вопросу о формировании локальных вариантов традиции // Кряшенское историческое обозрение. Научный журнал. Казань, 2016. № 1. С. 113–114.

¹⁰ *Голубых М. Д.* Указ. соч. С. 215–218.

¹¹ *Кривощёков А. И.* Обряды и обычаи оренбургских казаков // Вестник оренбургского учебного округа. Уфа. 1915. № 2. С. 58.

¹² ПМА, 1993 г. Иващенко Елизавета Петровна, 1906 г.р., с. Кваркено Кваркенского р-она Оренбургской обл., родилась и до 1929 г. проживала в с. Наследницкое Брединского р-на Челябинской обл.; Михайлова (Аксёнова) Клавдия Александровна, 1911 г.р., г. Троицк Челябинской обл., родилась и до 1942 г. проживала в с. Николаевском Варненского р-на Челябинской обл.

¹³ ПМА, 1993 г. Неткачева Любовь Ивановна, 1915 г. р., с. Аландское Кваркенского р-на Оренбургской обл.

¹⁴ ПМА, 1993 г. Крюкова Анастасия Демьяновна, 1913 г.р., с. Измайловское Кизильского р-на Челябинской обл.

¹⁵ ПМА, 1993 г. Агапова Мария Никитична, 1910 г. р., с. Кваркено Кваркенского р-на Оренбургской обл.

¹⁶ ПМА, 1993 г. Зацепина Евдокия Григорьевна, 1912 г.р., п. Адрианопольский Кваркенского р-на Оренбургской обл.

¹⁷ *Новикова О.В.* Традиционная одежда нагайбаков в музейных собраниях Челябинской области: К вопросу о формировании локальных вариантов традиции // *Крященское историческое обозрение*. Казань. 2016. № 1. С. 121–125.

¹⁸ *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 215–218.

¹⁹ ПМА, 1991 г. Салов Павел Григорьевич. п. Амурский Брединского р-на Челябинской обл.

²⁰ *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 215–218.

²¹ ПМА, 1993 г. Зацепина Евдокия Григорьевна, 1912 г.р., п. Адрианопольский Кваркенского р-на Оренбургской обл.; Крюкова Ульяна Фёдоровна. 1916 г.р., с. Измайловское Кизильского р-на Челябинской обл.

²² ПМА, 1993 г. Пащенко А.П. 1918 г.р., с. Аландское Кваркенского р-на Оренбургской обл.

²³ *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 215–218.

²⁴ ПМА, 1993 г. Агапова Мария Никитична. 1910 г.р., с. Кваркено Кваркенского р-на Оренбургской обл.

²⁵ *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 215–218.

²⁶ ПМА, 1992 г. Плеханов Александр Петрович, 1906 г.р., п. Рымникский Брединского р-на Челябинской обл.

²⁷ *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 215–218.

²⁸ *Зеленин Д. К.* У оренбургских казаков // *Этнографическое обозрение*. СПб. 1905. № 4. С. 66.

²⁹ ПМА, 1992 г. Ковалевская Мария Дмитриевна, 1913 г.р., п. Рымникский Брединского р-на Челябинской обл.

³⁰ *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 215–218

³¹ *Стариков Ф.М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карт. Оренбург, 1891. С. 208–212.

³² *Зеленин Д. К.* У оренбургских казаков // *Этнографическое обозрение*. СПб. 1905. № 4. С. 66.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ *Голубых М.Д.* Указ. соч. С. 215–218.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ *Стариков Ф.М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карт. Оренбург, 1891. С. 208–212.

³⁹ ПМА, 1992 г. Кожин Павел Николаевич, 1910 г.р., п. Рымникский Брединского р-на Челябинской обл.

⁴⁰ *Стариков Ф. М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карт. Оренбург, 1891. С. 208–212.

⁴¹ Там же.

⁴² *Голубых М. Д.* Указ. соч. С. 215–218.

⁴³ ПМА, 1992 г. Вершинина Анна Ефимовна, 1917 г.р., Лошкарёва Степанида Ефимовна, 1905 г.р., п. Полоцкий Кизильского р-на Челябинской обл.; Ковалевская Мария Дмитриевна, 1913 г.р., п. Рымникский Брединского р-на Челябинской обл.

⁴⁴ ПМА, 1993 г. Чаплыгина Арина Сергеевна, 1907 г.р., Жёлобова Мария Григорьевна, 1915 г.р., с. Аландское Кваркенского р-на Оренбургской обл.; Храмов Павел Иванович 1916 г.р., п. Зеленодольск Оренбургской р-на Челябинской обл., родился и до 1929 г. проживал в п. Кульм Кваркенского р-на Оренбургской обл.

⁴⁵ *Сагнаева С. К.* Повседневная традиционная одежда 5.2.2.7.// Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. Москва; Краснодар, 2002. С. 536.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Стариков Ф. М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карт. Оренбург, 1891. С. 208–212.

⁴⁸ *Сагнаева С. К.* Повседневная традиционная одежда 5.2.2.7.// Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. Москва; Краснодар, 2002. С. 536.

⁴⁹ *Стариков Ф. М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карт. Оренбург, 1891. С. 208–212.

⁵⁰ ПМА. Сизова Марфа Филипповна, 1924 г.р., п. Рымникский Брединского р-на Челябинской обл.; Лошкарёва Степанида Ефимовна, 1905 г.р., п. Полоцкий Кизильского р-на Челябинской обл.

⁵¹ *Стариков Ф. М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карт. Оренбург, 1891. С. 208–212.

⁵² ПМА. Лошкарёва Степанида Ефимовна, 1905 г.р., п. Полоцкий Кизильского р-на Челябинской обл.

⁵³ *Стариков Ф. М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карт. Оренбург, 1891. С. 208–212.

⁵⁴ *Голубых М. Д.* Указ. соч. С. 215–218.

⁵⁵ ПМА, 1999 г. Букреева Мария Степановна, 1913 г.р., с. Селезян Еткульского р-на Челябинской обл.

⁵⁶ *Чайко Е. А.* Женские костюмные комплексы у русских Южного Урала в XIX — начале XX века (в границах современной Челябинской области)// Народный костюм в Сибири. Новосибирск, 2017. С. 124–128.

⁵⁷ *Фурсова Е. Ф.* Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири (конец XIX — первая треть XX века). Новосибирск, 2015. С. 34.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ *Голубых М. Д.* Указ. соч. С. 215–218.

⁶⁰ *Стариков Ф. М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карт. Оренбург, 1891. С. 208–212.

⁶¹ ПМА, 1993 г. Воронова Анна Ефимовна, 1915 г.р., Глотова Мария Ивановна 1914 г.р., Чертыковцева Анастасия Андреевна, 1902 г.р., Сгибнёва Ольга Алексеевна, 1911 г.р., с. Кваркено, Кваркенского р-на Оренбургской обл.

⁶² ПМА, 1991 г. Чикова Федора Андреевна, 1911 г.р., п. Амурский Брединского р-на Челябинской обл.

⁶³ ПМА, 1993 г. Жёлобова Мария Григорьевна, 1915 г.р., с. Аландское Кваркендского р-на Челябинской обл.

⁶⁴ ПМА, 1993 г. Агапова Мария Никитична, с. Кваркено Кваркенского р-на Оренбургской обл.

⁶⁵ ПМА, 1991 г. Чикова Федора Андреевна, 1911 г.р., п. Амурский Брединского р-на Челябинской обл.

⁶⁶ ПМА. Храмов Павел Иванович, 1916 г.р., п. Зеленодольск Кваркенского р-на Оренбургской обл., родился и до 1929 г. проживал в п. Кульм Кваркенского р-на Оренбургской обл.

⁶⁷ *Стариков Ф. М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карт. Оренбург, 1891. С. 208–212.

⁶⁸ ПМА, 2002 г. Шипилова Зинаида Степановна, 1916 г.р., п. Смеловский Верхнеуральского р-на Челябинской обл.

⁶⁹ ПМА, 2002 г. Вдовина Александра Ивановна, 1913 г.р., п. Кирса Верхнеуральского р-на Челябинской обл.

⁷⁰ ПМА, 2002 г. Пашкова Татьяна Лаврентьевна, 1919 г.р., п. Кирса Верхнеуральского р-на Челябинской обл.

⁷¹ *Голубых М. Д.* Указ. соч. С. 215–218.

⁷² ПМА, 2002 г. Шипилова Зинаида Степановна, 1916 г.р., п. Смеловский Верхнеуральского р-на Челябинской обл.

⁷³ *Кривощёков А. И.* Обряды и обычаи оренбургских казаков // Вестник оренбургского учебного округа. Уфа. 1915. № 2. С. 57.

⁷⁴ *Маслова Г. С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 18.

⁷⁵ ПМА, 2002 г. Пашкова Татьяна Лаврентьевна, 1919 г.р., п. Кирса Верхнеуральского р-на Челябинской обл.

⁷⁶ ПМА, 2002 г. Гордиевских Клавдия Григорьевна, 1914 г.р., п. Кирса Верхнеуральского р-на Челябинской обл.

⁷⁷ ПМА, 2002 г. Шипилова Зинаида Степановна, 1916 г.р., п. Смеловский Верхнеуральского р-на Челябинской обл.

⁷⁸ *Кривощёков А. И.* Обряды и обычаи оренбургских казаков // Вестник оренбургского учебного округа. Уфа. 1915. № 2. С. 57–59, 68, 79.

⁷⁹ *Маслова Г. С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 18.

⁸⁰ *Кривощёков А. И.* Обряды и обычаи оренбургских казаков // Вестник оренбургского учебного округа. Уфа. 1915. № 2. С. 79.

⁸¹ ПМА. Шипилова Зинаида Степановна, 1916 г.р., п. Смеловский Верхнеуральского р-на Челябинской обл.

⁸² ПМА, 1992 г. Ковалевская Мария Дмитриевна, 1913 г.р., п. Рым-
никский Брединский р-он Челябинской обл.

⁸³ ПМА, 1993 г. Иващенко Елизавета Петровна 1906 г.р., с. Кваркено
Кваркенского р-на Оренбургской обл., родилась и до 1929 г. проживала
в с. Наследницкое Брединского р-на Челябинской обл.; Яковлева Анна
Степановна, 1911 г.р., п. Адрианопольский Кваркенского р-на Орен-
бургской обл.

⁸⁴ *Зеленин Д. К. У оренбургских казаков // Этнографическое обозрение.*
СПб. 1905. № 4. С. 66.